

Глава 23

Следствие продвигалось успешно.

Опираясь на изъятую переписку, Пэй Сюань одного за другим вычислял чиновников, вступивших в сговор с князем Цзином. Под тяжестью улик и после искусных допросов Фу Вэньчжоу начал выдавать детали их встреч и тайных договорённостей.

Начались аресты. Те, кто заслуживал плахи, отправлялись под стражу; те, чья вина была меньше, дожидались приговора в застенках.

Месяц спустя следствие по делу о государственной измене было завершено. Итоги потрясли всё государство. Пэй Сюань и Лю Ань привели в порядок горы документов и отправились во дворец, чтобы представить окончательный отчёт Императору.

Государь бегло просмотрел бумаги и, отодвинув их в сторону, поднял взгляд на двух молодых подданных:

— Вы отлично справились. Пришло время наградить вас за службу. Есть ли у вас какие-то пожелания?

Юноши поспешно склонились в глубоком поклоне:

— Мы лишь исполняли свой долг, Ваше Величество. Мы не смеем требовать наград за то, что обязаны делать по совести.

Как раз в этот момент евнух Ян ввёл в зал Чжу Цинчэня. Император обратился к нему:

— Наставник Чжу, в этом деле ты — главный герой. Чего бы ты хотел в награду?

Цинчэнь отозвался без колебаний:

— У меня нет особых просьб, Сир.

— И всё же, не стесняйся. Говори прямо.

— Что ж, тогда я не буду скромничать, — Чжу Цинчэнь лукаво прищурился и посмотрел на монарха. — Я давно заприметил в вашем кабинете картину «Старый ворон на холодном пруду». Она бы очень украсила мой дом.

Император едва заметно кивнул:

— Хорошо. Что-нибудь ещё?

— А можно попросить больше?

— Разумеется.

— Тогда я бы хотел ту кисть из волчьей шерсти, что лежит на вашем столе, золочёную бумагу, пару тех ароматных листов для писем и... то редкое издание Ли Жуншаня.

Стоявшие рядом Пэй Сюань и Лю Ань замерли в недоумении.

«Разве так можно?»

Государь подождал немного и, убедившись, что список окончен, спросил:

— Это всё?

— Да, — серьёзно кивнул Чжу Цинчэнь. — Можно мне это забрать?

Император поднялся с места:

— Иди за мной.

— Иду! — наставник просиял и лёгким шагом последовал за ним.

В кабинете Император не только отдал ему всё, что тот просил, но и добавил сверху немало ценных вещей. Чжу Цинчэнь, едва удерживая в руках дары, радостно улыбнулся:

— Благодарю, Ваше Величество!

Через четверть часа он, обнимая целую гору свитков, бумаги и письменных принадлежностей, с самым довольным видом провожал своих учеников к выходу из дворца.

Лю Ань и Пэй Сюань смотрели на него со сложным выражением лиц. Разве верный подданный не должен отличаться безупречной скромностью и «чистыми рукавами»? Почему их учитель ведёт себя так, будто только что вынес из дворца половину казны?

Чжу Цинчэнь весело поглядывал на них. Эти двое трудились не покладая рук целый месяц и в итоге не получили ничего, кроме похвалы. Теперь они стояли перед ним как пара ошипанных гусей.

«Бедняги».

Едва они вышли за ворота, Лю Ань не выдержал:

— Учитель, разве прилично так открыто просить подарки у Государя?

— А почему нет? — Цинчэнь поудобнее перехватил свои сокровища. — Император сам предложил. Его награды брать можно и нужно, это знак его расположения. Вот деньги у народа брать нельзя — это грех.

— Но вы никогда не учили нас этому... — пробормотали ученики.

— Ну, вот сейчас и учу. Верный слуга не обязан истязать себя нищетой. Если ты сделал для правителя важное дело, почему бы не попросить то, что тебе по душе? Разве ты этого не достоин?

— Понимаю... — выдохнули они.

Юноши невольно засмотрелись на свиток с картиной.

— Учитель, мы бы тоже хотели хоть разок взглянуть на «Холодный пруд»...

Цинчэнь протянул им свиток, и те приняли его с благоговением.

— О, наставник!

— Даю вам посмотреть на один день. Каждому — по половине дня, по очереди. Я не дарю её вам, — строго добавил он. — Посмотрите и верните в целости.

— Слушаемся, — они чуть заметно надулись, но бережно прижали свиток к груди. — Наставник, можете дальше нас не провожать, мы пойдём.

— Хорошо, — мягко ответил Цинчэнь. — Это мой последний урок вам. Не изводите себя аскезой. Если чего-то хотите — и это не нарушает законов и морали — просите открыто. Не копите желания в сердце. Не возносите себя слишком высоко. Оставайтесь обычными чиновниками, наделёнными семью чувствами и шестью желаниями — это лучше, чем притворяться бесстрастным божеством. Не только не добьётесь своего, но и рискуете столкнуться с последствиями.

— Благодарим за наставление, учитель, — Пэй Сюань и Лю Ань низко поклонились.

Чжу Цинчэнь с улыбкой смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду, а затем повернулся, чтобы вернуться.

«Миссия выполнена, — раздался голос Системы. — Очки жизни зачислены. Мы можем отправиться в следующий мир в любой момент. Когда планируешь уходить?»

«Если я исчезну внезапно, это не напугает людей?»

«Логика мира всё подправит. Все будут думать, что ты оставил службу и отправился в странствие».

«Тогда... давай подождём, пока эти двое окрепнут окончательно. Сейчас я за них всё ещё немного беспокоюсь».

«Так можно и десятилетия прождать».

«Ну хорошо... — Цинчэнь помедлил. — Давай подождём, пока они не женятся».

«Не обманывай меня. Пэй Сюань твёрдо решил остаться холостяком. Ты просто хочешь, чтобы он обеспечил тебе безбедную старость в этом мире?»

«Тогда... — наставник прикусил губу. — По крайней мере, дожждёмся казни князя Цзина. Тебе ведь тоже хочется это увидеть?»

«...Да», — тихо отозвался маленький шарик.

«Вот видишь! К тому же, скоро будет Цюнлиньский пир в честь новых эрудитов. Как только праздник закончится — уйдём. Моя первая страсть — смотреть, как злодеи получают по заслугам, а вторая — веселиться на пирах».

Вина князя Цзина была неоспорима. Император начертал на приговоре красной тушью: «Казнить немедленно».

Со дня оглашения результатов экзаменов прошёл почти месяц, и из-за заговора Цюнлиньский пир постоянно откладывали. Теперь эти два события — конец предателя и триумф учёных — должны были произойти одно за другим.

В ночь перед казнью князь Цзин заметил, что ужин, принесённый стражей, был куда обильнее обычного. Он сразу всё понял. В ярости он опрокинул миску, за что тут же получил пару

тяжёлых оплеух от тюремщика.

— Столько людей голодает, а ты еду разбрасываешь!

Новой порции ему не дали — просто смели объедки в ведро и ушли. Князь в исступлении требовал встречи с Пэй Сюанем, но стражник лишь хмыкнул:

— Дело закрыто. С чего бы господину Пэю тратить на тебя время?

Осуждённый хотел было возразить, но вовремя прикусил язык. За месяц допросов он больше не смел нести бред о том, что он — муж Пэй Сюаня. За каждое подобное слово тот приказывал бить его по лицу, пока щёки не превращались в багровые опухоли. Даже сейчас, при одном воспоминании, челюсть начинало саднить.

Снаружи стражники попивали вино и негромко переговаривались:

— Завтра пир, господин Пэй закончил дела и ушёл. А нам торчать тут с этим отребьем... какая досада.

— Да ладно тебе, пей давай.

В разгар их беседы в коридоре раздались шаги. Тюремщики вскочили и поклонились:

— Господин Пэй!

Пэй Сюань остановился перед ними:

— Я прибыл по указу Государя, чтобы навестить осуждённого. Ступайте, отдохните снаружи.

— Слушаемся. Но будьте осторожны, господин, — предупредил стражник, — он совсем обезумел.

— Не нужно открывать камеру, — спокойно ответил Сюань. — Я поговорю с ним через решётку.

Когда стража скрылась, Пэй Сюань посмотрел на князя. Тот больше не смел кричать — лишь забился поглубже в тень, завидев своего мучителя. Сюань достал из рукава свиток:

— Я пришёл объявить волю Императора. Фу Вэньчжоу, завтра на рассвете тебя обезглавят. После казни твоё тело будет предано тысяче порезов и отправлено в крематорий.

На этот раз это был настоящий крематорий. Раз уж это слово так часто звучало в их беседах, пора было воплотить его в жизнь.

Князь Цзин побледнел как полотно и рухнул на колени. В эти времена сожжение тела считалось высшим позором — это означало вечное скитание души без надежды на перерождение. Он хотел было закричать, спросить, как монарх посмел так поступить с родственником, но вдруг вспомнил свой сон... В той жизни он поступил с Императором ещё хуже. Слова застряли в горле.

Пэй Сюань не стал ждать ответа. Развернувшись, он покинул застенки. Завтра — великий пир, двойная радость, и ему ещё нужно было успеть примерить праздничное одеяние вместе со старшим братом Лю.

Уже у самого выхода он услышал донёсшийся из глубины тюрьмы истошный вопль:

— Нет! Я — Император! Пэй Сюань, вернись!

Сюань не обернулся. Он вышел на улицу, и холодный свет луны омыл его лицо.

На следующее утро, когда небо ещё только начало сереть, князя Цзина вывели на плаху.

Чжу Цинчэнь ещё не завтракал и, боясь, что зрелище испортит ему аппетит, лишь мельком взглянул на финал предателя и ушёл. Удивительно, но стоило топору опуститься, как тяжёлые тучи, грозившие дождём, разошлись, и выглянуло яркое солнце.

В этот же день начался Цюнлиньский пир. Новоиспечённые чиновники в синих и лазурных мантиях шумными группами направлялись во дворец. В императорском саду пышно цвели пионы и шафраны.

Чжу Цинчэнь в своей алой парадной мантии, с огромным пышным пионом, приколотым к чёрной шапке, уже успел выпить пару кубков. Его щёки покраснелись, он подпирал голову рукой и с улыбкой принимал поздравления от проходящих мимо учеников. Старые наставники, тоже в цветах и праздничных одеждах, весело переговаривались с молодёжью.

На этот раз Чжу Цинчэнь не отказывался от выпивки. Он пил с каждым студентом, кто подходил к нему с поклоном. Старина Гао легонько подтолкнул его в бок:

— Полегче на поворотах.

— Всё в порядке! — со смехом отозвался наставник.

Захмелев, он взял маленькие ножницы и принялся срезать лучшие цветы, украшая ими головы своих учеников. Каждому — по цветку. И каждому — своё напутствие.

— А-Сюань, делай то, что считаешь нужным. Больше не оглядывайся.

— А-Ань, ты — моя гордость. Будь опорой для остальных.

— Сун Фэн, я уже договорился, твоё имя вычеркнули из списков слуг. Начинай новую жизнь, не спеша.

...

Точно так же, когда они уходили на экзамен, наставник наставлял их по одному. Но сегодня всё было иначе. Глядя на них затуманенным взором, Чжу Цинчэнь чувствовал, как сжимается сердце от скорой разлуки.

Пир продолжался до глубокой ночи. Слуги зажгли свечи в каменных фонарях сада. Огни озаряли яркий пион на шапке, делая его цвет почти багровым.

Чжу Цинчэнь окончательно опьянел и попросил учеников оставить его на минуту одного. Он прикрыл глаза, слушая шум праздника.

Пэй Сюань тоже перебрал. Хоть его семья и владела винокурней, хмель брал его быстрее других. Пьяный, он вдруг стал необычайно шумным. Ухватив Лю Аня за руку, он потащил его на колени прямо на траву.

— Старший брат Лю! Ты был так добр ко мне, я никогда не смогу отплатить тебе! Давай сегодня... давай станем названными братьями!

Сюань разлил вино по двум чашам и одну протянул Лю Аню. Тот, тоже стоя на коленях, лишь прикрыл лицо рукой в жесте полнейшего отчаяния.

«Как стыдно... на нас же все смотрят!»

Но Пэй Сюань не унимался:

— Клянусь! С этого дня мы — братья! Не прошу родиться в один день, но прошу в один день умереть!

Лю Ань зажал ему уши.

«Что за дурные приметы в такой праздник! Какая ещё смерть?»

Он больно ущипнул младшего за локоть. Тот сразу всё «понял»:

— А, ты не хочешь быть младшим? Ладно, я буду младшим! Я твой младший брат!

Лю Ань лишился дара речи.

— Я буду защищать тебя, брат! Клянусь своей искренностью!

Первый эрудит страны, не найдя больше слов, махом осушил чашу и уставился на Лю Аня сияющими глазами. Делать было нечего — собеседник приподнял свой кубок и тоже выпил:

— И я... тоже.

Пэй Сюань глупо заулыбался и выдал такой оглушительный пьяный ик, что Лю Ань в ужасе отшатнулся и брезгливо оттолкнул его от себя.

Чжу Цинчэнь, наблюдая за ними, рассмеялся. Он подозвал музыканта:

— Будь добр, одолжи мне юэцинь.

Сев по-турецки среди старых учителей, Цинчэнь прижал инструмент к груди. Его пальцы коснулись струн — звук был нежным и лёгким, словно шелест дождя. Студенты один за другим затихали, обращившись к нему. Прикрыв глаза, он запел чистым, звонким голосом:

— Имена в золотом списке — весенний расцвет,

Словно стая бессмертных выходит на свет.

Тот, кто раньше с удою на речке сидел,

Нынче в небе лазурном нашёл свой удел.

Девять тысяч ли взмаха — окрепли крылья,

Десять лет пронеслись под дорожной пылью.

Правда ныне торжествует в мире подлунном,

И Драконьи Врата покоряются юным.

Прекрасные стихи к прекрасному дню. Неподалёку на высокой башне стоял Император, молча наблюдая за тем, как Чжу Цинчэнь перебирает струны. Тот не открывал глаз до последней ноты.

«Система, уходим».

Снова белоснежное перо коснулось чела Чжу Цинчэня.

Он открыл глаза. Он снова лежал в постели, вокруг царила тьма, свечи не горели. Очертания мебели казались непривычными и странными. Цинчэнь провёл рукой по простыням — кровать была необычайно мягкой, из какого-то неведомого материала.

Знакомый голос зазвучал в сознании:

[Передача данных сюжета...]

[Название: «Влажная роза»]

[Эпоха: Современность (альтернативная)]

[Жанры: Драма, Школьные годы, Искупление]

Голова привычно отяжелела от потока информации.

Главного героя этой истории звали Чэнь Хэсун. Его отец рано умер, и в восемь лет мать вышла замуж за богатого господина Хэ. У того был сын, младше Чэня на год — Хэ Юй.

Поначалу мальчики ладили. Хэсун читал брату сказки, готовил вкусности и заботился о нём, когда тот болел. Но внезапно всё изменилось. Хэ Юй начал громить его комнату, рвать учебники, подкладывать раздавленных лягушек в постель. Сначала старший думал, что это просто детские шалости, и пытался жаловаться матери. Но та лишь твердила: «Ты старший, ты должен уступать младшему брату». Ради счастья матери Хэсун терпел.

Он терпел десять лет. Живя в роскошном особняке, юноша был бесправнее сына экономки. Он вставал на рассвете, готовил завтрак для Хэ Юя, подавал его в постель. Младший уезжал в школу на машине с водителем, а Чэнь Хэсун, домыв посуду, должен был пешком выходить из жилого комплекса, чтобы сесть на автобус.

В школе никто не знал об их родстве. Хэ Юй был «золотым мальчиком» с толпой прихлебателей. Зная, что тот ненавидит Чэнь Хэсуна, они изощрялись в издевательствах: мочили его учебники, избивали за школой. Мать на все жалобы отвечала: «Мальчишки всегда дерутся, это нормально». Потом она и вовсе заявила: «Мы живём в достатке только благодаря семье Хэ. Терпи и угождай ему».

Хэсун пытался перевестись в общежитие, но младший брат сказал матери: «Мне нравится, как брат готовит завтрак, я не хочу, чтобы он уезжал». Мать тут же запретила сыну даже думать о переезде. Юноша вернулся в комнату и увидел, как Хэ Юй сидит на его кровати, попирая ногами обрывки его заявления, и улыбается — невинно и злобно.

Несмотря на этот ад, Чэнь Хэсун блестяще учился, два года подряд становясь лучшим на потоке. Он верил: стоит сдать Гаокао — и он свободен.

Когда Хэ Юй перешёл в одиннадцатый класс, он внезапно объявил за ужином, что хочет взяться за ум. Его отец был в восторге. Подросток же, прикусив палочку для еды, посмотрел на Чэнь Хэсуна: «Брат ведь отлично учится? Пусть он останется на второй год и поможет мне подготовиться. С ним я точно сдам».

И из-за одной прихоти Хэ Юя Чэнь Хэсуна оставили на второй год. Учителя были в шоке, но тот лишь низко опускал голову, шепча, что он психологически не готов к экзаменам и хочет потратить год на восстановление. Он покорно делал конспекты, но младший даже не смотрел в них — он просто хотел ещё год мучить свою жертву.

В ночь перед Гаокао Хэсун приготовил всё: пропуск, ручки, документы. Он верил — завтра свобода. Но среди ночи он проснулся и увидел Хэ Юя у своей кровати. Тот держал его рюкзак. Юноша бросился отнимать вещи, но младший, разъярённый сопротивлением, швырнул его на пол и на его глазах разорвал пропуск на экзамен в клочья. Обрывки он смыл в унитаз.

Мать Хэсуна стояла за дверью в своей дорогой шали. Она видела всё, но стоило появиться отчиму, как она произнесла: «Хэсун, Сяо Юй привык к твоим завтракам. Если ты уедешь в университет, как он будет один? Пусть он сдаст экзамен, а ты поедешь с ним и будешь помогать». Хэ Юй прошептал ему на ухо: «Ты никогда от меня не сбежишь».

Два дня экзаменов Хэсун провёл под замком. Когда Хэ Юй поступил, тот поехал с ним как слуга — таская его чемоданы и готовя еду. В университете он встретил старого учителя, который спросил, где он теперь учится. Юноша не успел ответить — подошёл Хэ Юй, обнял его за плечи и со смехом сказал: «Учитель, поступил только я. Брат провалился».

Хэсун жил в съёмной квартире у вуза, стирая и готовя для мучителя. Через год он нашёл в себе силы пойти на кулинарные курсы, чтобы получить диплом. Но Хэ Юй узнал об этом. В грозовую ночь он избил Хэсуна и разорвал все его учебные материалы. Пострадавший пытался вызвать полицию, но мучитель предъявил справку из частной клиники о том, что его брат страдает психическим расстройством.

С того дня Хэсун стал не только прислугой, но и игрушкой в постели Хэ Юя. Мать, узнав об этом, лишь назвала сына бесстыдником.

Годы шли. На юбилее школы Хэ Юй, уже ставший успешным бизнесменом, привёл Хэсуна с собой. Все вокруг смеялись над тем, как блестящий некогда ученик превратился в никчёмную тень без образования. Одноклассники, когда-то травившие его, смотрели с презрением. Старый учитель лишь горько вздохнул, глядя на него.

Чэнь Хэсун, доведённый до глубокой депрессии, поднялся в свой старый класс. Он сел за парту, открыл учебник и понял, что больше не понимает ни слова. Формулы и знаки плясали перед глазами как демоны. Хэ Юй зашёл в класс и при всех рассмеялся:

— Всё ещё мечтаешь об экзаменах? У тебя все руки в жиру, не пачкай чужие книги. Брат, иди сюда.

Чэнь Хэсун закрыл книгу, подошёл к окну и шагнул вниз. В полёте он успел увидеть лишь застывшее на лице Хэ Юя изумление.

— «Влажная роза».

Чжу Цинчэнь:

— ???

Что это за дрянь?!

[Задача Носителя: Стать классным руководителем Чэнь Хэсуна и обеспечить его успешную сдачу Гаокао]

[Сложность мира: Ранг С]

[Награда: 5 очков жизни]

Лицо Чжу Цинчэня исказилось от отвращения.

— Система, только не говори мне, что этот Хэ Юй — «главный герой-гун»?

— Именно так. Он — главный герой.

Цинчэнь прижал ладонь к груди:

— Достаточно, я всё понял.

Если Хэ Юй — главный герой, то в конце он наверняка «дико раскаялся», приполз на коленях, и Чэнь Хэсун его, конечно же, простил. И жили они долго и счастливо, ведь «он просто не знал, как любить».

Чжу Цинчэнь перевалился через край кровати и выдал:

— У-ух... Тьфу! Гадость!

Маленький светящийся шарик попрыгал у него по спине, изображая сочувственные похлопывания.

— Я не могу... — прохрипел Чжу Цинчэнь. — Я сейчас снова умру от тошноты.

Система поспешно включила свет:

— Эй, ты как? Санузел в коридоре налево, хочешь...

Цинчэнь поднял голову и замер, ослеплённый ярким светом люстры на потолке:

— Это что такое?! Солнце взошло прямо в комнате?

— Это электрический свет. Мы в современном мире. Первый мир был тренировочным, похожим на твой родной. Теперь — настоящая работа. Технологии тут развиты, тебе придётся привыкать на ходу.

Чжу Цинчэнь схватился за голову:

— Нет... слишком ярко, голова кругом, меня сейчас точно вывернет!

— Быстрее, в туалет! За дверью направо!

— Иду!

Цинчэнь соскочил с кровати, босиком, и долго возился с ручкой двери, прежде чем сообразил, как она открывается. Выбежав из спальни, он по подсказкам Системы рванул в сторону туалета, но в следующее мгновение с воплем ужаса кинулся обратно.

— А-а-а! Что это за монстр?! Почему оно ползёт за мной?! Помогите!

Он, превратившись в размытую тень, запрыгнул на кровать, закутался в одеяло и принялся метаться под ним:

— Не подходи! Где мой меч?!

Маленький круглый робот-пылесос, невозмутимо мигая индикатором, медленно въехал в спальню:

— Работаю...

<http://bllate.org/book/15820/1428804>